

УДК 94 (574)

ШАЛГИМБЕКОВ Айбек Батырханович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Костанайского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет», Казахстан, г. Костанай salykovaks@mail.ru

КОЛОНИАЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ И КАЗАХСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ АБЛАЙ ХАН

Статья посвящена вопросам политики Российской империи в степи в XVIII в. по отношению к главе Казахского государства Аблай хану. Показывается палитра дипломатических контактов, выработка определенных форм взаимоотношений. Привлечение на свою сторону казахской знати, расширение функций контроля над их политической деятельностью готовило почву для ликвидации института ханской власти, что позволило царизму укрепиться в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, дипломатия, Аблай хан, Средний жуз, казахские правители, аманат, военный фактор, протекторат.

SHALGIMBEKOV Aybek Batyrkhanovich, Candidate for Doctorate in History, Associate Prof., Chair of Social Studies, Humanities and (Natural) Sciences, Kostanay Branch to Russian Federal State-funded Educational Institution of Graduate Vocational Training Chelyabinsk State University Kostanay town, Kazakhstan salykovaks@mail.ru

COLONIAL DIPLOMACY IN RUSSIA AND THE KAZAKH RULER ABLAY KHAN

The paper deals with some issues of the Russian Empire policy carried in the XVIII century on steppe with respect to the head of the Kazakh state, Ablai khan. The paper demonstrated a variety of diplomatic contacts, elaboration of certain forms of relations. Winning over the Kazakh nobility to the side of the Russian Empire, keeping an expanding track of their political interactions – all these prepared the ground for elimination of the institute of khan's power that allowed the tsarism to consolidate in the region.

Keywords: Russian Empire, diplomacy, Ablai Khan, Middle Juz, Kazakh rulers, amanat, military factor, protectorate.

Сибирская администрация и военное командование пристально наблюдали за деятельностью правителя Среднего жуза Аблай султана. Никто на Сибирских линиях не привлекал к себе такого внимания, как Аблай. В глазах властей привлечение Аблая на свою сторону означало наложение опеки на весь Средний жуз. Если с большинством родоправителей отношения были более жесткими, то с Аблаем отношения были иные: его остерегались, не верили его заверениям, следили за ним и в то же время всячески пытались привлечь на свою сторону. Вовлечение Аблая в орбиту российской политики активизируется по инициативе И.И. Неплюева. Ярким примером тому служит посольство К. Миллера в Джунгарию для освобождения его из плена. Принятие присяги Абулмамбетом и Аблаем отнюдь еще не означало, что подданство было окончательно закреплено.

Царские чиновники широко использовали традиционную для казахов практику обмена подарками, которая воспринималась последними как символ дружеских отношений. Ярким примером этого является письмо Аблаю от оренбургского генерал-губернатора И.И. Неплюева и М.А. Тевкелева в январе 1758 г.: «Двух лошадей от вас посланных мы получили и со удовольствием приняли. Напротив того, и мы в знак нашей к вам дружбы с вышеупомянутыми вашими людьми посылаем вам на кафтан сукна кармазинного 5 аршин, на полукофтанье штофу 10 аршин и на шапку черную лисицу, в коже запечанья, и тех ваших людей удовольствовав, отпустили» [1, с. 195].

Кроме того, некоторые представители знати получали годовое жалование, Аблай с 1752 г. – 300 рублей. Жене Аблая посылались особые подарки: «бахча байховского чая, голова сахара и румяна» [2, л.43–44.].

После построения Новоишимской линии взаимоотношения с Аблаем чаще поддерживались через линейное начальство. Это объясняется тем, что кочевья Среднего жуза были ближе к Сибирским линиям, чем к Оренбургским. Официально от имени властей к Аблаю были направлены, а точнее, приставлены писари, совмещавшие обязанности агентов. Через них шла постоянная переписка с Аблаем.

Казахские правители также стремились использовать институт аманатства для решения своих политических задач. Ярким примером этого является отношение к аманатству хана Аблая. Рассматривая институт аманатства как традиционную форму международного соглашения, он стремился добиться выгодных условий. В частности, в 1769 г. Аблай писал оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу следующее об условиях содержания сыновей: «... для (прославления) перед друзьями и врагами, чтобы мой сын в звании генерала был, когда он придет (к вам), то пусть увидит благословенное (и) приятное лицо ее величества государыни, а также пусть местом пребывания его будет крепость Кызыл-Иар в Тобольской губернии... А обмен моих сыновей (атаманов) производили бы через два или три г., причем тот обмен осуществлял-

ся бы по моему выбору... И чтобы каждый направляющийся (в аманаты) мой сын увидел благословенное государево лицо. (Если же) мой сын долго пробудет (в аманатах), то пусть он будет видеть (государево лицо) раз в три г.... А еще при моих детях находилось десять знатных людей из Среднего жуза» [3, с. 692–693].

В предложениях хана Аблая прослеживается желание обеспечить сыновьям почетные условия содержания, больше походившие на службу. Желание Аблая отправить сыновей в аманаты в сопровождении нескольких знатных представителей молодого поколения было с благосклонностью принято правительством Екатерины II [3, с. 690].

Поскольку статус султана был ниже статуса хана, сыну Аблая полагалось более низкое содержание. Чтобы не оттолкнуть Аблая, решено было уравнивать права его сына с сыном ханским. В то же время Коллегия рекомендовала Оренбургу не увеличивать однажды определенное содержание. Взамен сыновей Аблай выдвигал ряд требований, главным из которых было получение военной помощи русского правительства – от десяти тысячного отряда (сан) (самое большее) и до тысячи или пятисот человек (самое малое).

Также для Аблая было очень важно, чтобы его люди свободно могли ездить в Россию и в крепости, и на рынки: «А еще там, где будут находиться в аманатах мои дети, пусть будет большой базар». По просьбе Аблая для казахов Среднего жуза Неплюевым был разрешен меновой торг в Троицкой крепости. И.И. Неплюев полагал, что развитие торговли будет способствовать проникновению интересов вглубь степей. [4, с. 171]

После избрания в 1771 г. Аблая ханом в России на перемену титула Аблая посмотрели как на дерзость. Но, несмотря на это, Коллегия иностранных дел решила дать Аблаю носимое им ханское достоинство. Аблай после его избрания в 1771 г. ханом всех казахов отказался от принятия присяги в качестве хана только Среднего жуза, поскольку это могло подорвать его авторитет и усилить его политических соперников [5, Л. 229–230].

После отказа Аблая принять жалованную грамоту и знаки ханского достоинства и в Оренбурге и Петропавловске линейные власти Западной Сибири и Оренбурга начали готовить заговор против Аблая, вплоть до его убийства [5, Л.229–230]. И если личность хана не устраивала царские власти, то ставка делалась на его политического соперника, которому предлагались титул и полномочия. Например, султан Абулфеиз должен был, по замыслу оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа и сибирского Н.Г. Огарева, сменить хана Аблая... [6, Л. 86–88.].

В таких случаях царская администрация не останавливалась даже перед устранением негодных ханов. Военная администрация почувствовала, что Аблай ускользает из поля зрения, что его независимое поведение идет наперекор интересам царизма.

Линейные власти в политике применяли не только пряники, но и кнут. Отказом же в предоставлении льгот колониальная администрация выражала свое недовольство деятельностью негодных правителей. Например, Аблай-хану не было разрешено кочевать внутри линии военных укреплений. Этим царское правительство давало понять Аблаю, что не одобряет его самостоятельную политику.

Несомненно, военный фактор играл во многом решающую роль в колонизации новых просторов и определял векторы политики в степи. Однако вести наступление на степь посредством одних военных мер не всегда было целесообразно. Поэтому на этом этапе русско-казахских отношений царизм придавал немаловажное значение установлению и упрочению связи с казахской знатью, от лояльности которой зависели темпы военной, а затем и гражданской колонизации. Привлечение на свою сторону казахской знати стало одним из направлений в деятельности военных властей в отношениях со степью. Это показывало народным массам, даже если они недовольны своим правителем, что последних поддерживает русская власть, у которой они могли бы найти защиту и покровительство. Поэтому нужна сбалансированная социальная политика, учитывающая, что у местной верхушки могут быть цели, противоположные интересам России. И по мере дальнейшего укрепления доверия к властям будут созданы основательные условия для упрочения положения в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX в. – Алма-Ата: Наука, 1981. – 243 с.
2. Государственный архив Омской области (ГАОМО) Ф.1. Оп.1. Д.203. Об отпуске денег на жалование.
3. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник документов и материалов. – Алма-Ата, 1961. – 740 с.
4. Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии XIV-XIX вв. – Алматы: Фылым, 1995. – 288 с.
5. ГАОМО Ф.1. Оп.1. Д.113. Переписка с киргиз-кайсацкими салтанами и старшинами.

6. ГАОМО Ф.1.Оп.1.Д.225. Рескрипт на имя Рейнсдорпа.

REFERENCES

1. *Sulejmenov B.S., Bassin V.Y.* Kazakhstan with Russia in the XVIII - beginning of XX century. – Alma-Ata: Nauka, 1981. – 243 p.
2. State Archives of the Omsk region (Gaomi) F.1.Op.1.D.203. On holiday money on salaries.
3. Kazakh-Russian relations in the XVI-XVIIIvv. Collection of documents and materials. – Alma-Ata, 1961. – 740 p.
4. *Khafizova K.S.* Chinese diplomacy in Central Asia XIV-XIX centuries. – Almaty Gylym, 1995. – 288 p.
5. Gaomi F.1. Op.1. D.113. Correspondence with the Kirghiz Kaisatsk Saltan and elders.
6. Gaomi F.1. Op.1. D.225. Rescript addressed Reynsdorpa.